

Практически всех их Белый знал лично — как друзей отца и/или как своих преподавателей. Изображение «профессорской Москвы» в романе «Москва» предваряет ее изображение в мемуарах «На рубеже двух столетий» и может рассматриваться как разбег, как своеобразная «проба пера».

Многие персонажи, введенные в сцену юбилея под придуманными, «экспериментальными» фамилиями и кажущиеся, на первый взгляд, вымышленными, имеют прототипы, полностью или частично покрывающие образ. (Люстаченко — И. Н. Горожанкин, Бубонев — Н. Ю. Зограф, Нахрай-Харкалев — В. В. Юнкер; предположительно: Айвазулина — А. С. Гончарова, Глистирченко-Тырчин — В. Ф. Снегирев, Плачей-Перчик — А. Г. Дорошевский и др.)

В этой связи, видимо, имеет смысл говорить не о двух типах персонажей (исторических и вымышленных), а, как минимум, о трех: исторических, т. е. действующих под собственными именами, вымышленных, т. е. выступающих под придуманными фамилиями и не имеющих даже в потенци никаких связей с реальной подосновой (о них, как правило, ничего, кроме гротескной фамилии, не сообщается), и... реальных персонажах, действующих «под прикрытием», введенных в роман под вымышленной фамилией. Степень замаскированности может варьироваться от минимальной (например, в случае с Коробкиным, биография которого буквально списана с биографии Н. В. Бугаева) до весьма значительной (например, в случае с Айвазулиной / Гончаровой).

В плане смешения реальности с вымыслом и полувывыслом сцена чествования Коробкина показателна, но не уникальна. Этот принцип реализуется и в других сценах «Москвы». Несомненно, при дальнейшем исследовании выявится более объемный пласт реальности, лежащей в основе романа и преобразованной в соответствии со сложным, многоуровневым авторским замыслом и мировидением.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-168-173

Ф. К. СОЛОГУБ. МОНГОЛЬСКИЙ ПАРАДОКС

(ПУБЛИКАЦИЯ © В. В. ФИЛИЧЕВОЙ)

В наследии Ф. Сологуба выделяются два периода, когда работа писателя в области публицистики была особенно плодотворной: статьи 1904–1905 годов¹ и 1914–1918 годов.² Оба были связаны с войнами, которые становились триггером для осмысления устройства мира и страны. В очерках не столько освещались военные события, сколько были представлены вызванные ими размышления писателя о вневременных проблемах (образования, национального характера, бюрократизма, патриотизма, свободы слова и мысли и т. д.), а также его наблюдения над общественными настроениями. Неудивительна поэтому и распространенная форма построения статьи, выбранная Сологубом: отклик на прочитанное³ и услышанное.⁴ Ср., к примеру, названия и подзаголовки статей: «Приятная беседа» (1904), «Лига родителей (Современный разговор)»

¹ См. диссертацию, посвященную этому периоду: *Верташов Д. В.* Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба: проблематика и историко-литературный контекст: на материале русских газет 1904–1905 гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

² См. статью и републикацию текстов: *Павлова М. М.* Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // *Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы.* М., 2014. С. 15–161.

³ См.: Там же. С. 18; Д. В. Верташов указывает на «газетно-журнальное происхождение» большей части информации для заметок (*Верташов Д. В.* Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба. С. 110).

⁴ На «диалоговое начало» в публицистике писателя, распространенные в заметках «диалоговые вставки», которые создают «иллюзию обмена мнениями», обращает внимание также Д. В. Верташов, см.: Там же. С. 139.

(1904), «Древняя история (Разговор)» (1917), «Беседа с друзьями» (1917) — или зачины очерков: «Ехали на пароходе через моря и океаны, целыми неделями не видели берега. Разговоров было много, — было о чем говорить»;⁵ «Передо мной в вагоне сидели двое: добродушный капитан с фронта <...>; помещик — земец, по-видимому из левых, пожилой, нервный, недоверчивый, беспокойно засыпавший своего случайного собеседника массой самых разнообразных, жгуче-любопытных для обывателя тыла вопросов. <...> Коснулись в трехчасовой беседе решительно всего...»⁶

Среди неопубликованных заметок писателя, сохранившихся в его личном архиве, обращают на себя внимание тексты времен русско-японской войны, которые оказывались актуальны в эпоху Первой мировой войны — и которые Сологуб пытался опубликовать спустя 10 лет.⁷ Так произошло, к примеру, со статьей «Бесенята войны». Она была отправлена в «Новости и Биржевую газету» 9 июня 1904 года, затем в «Весы» 1 июля,⁸ но не была опубликована. 20 марта 1915 года Сологуб передал статью в газету «День», где она и напечатана.⁹ В тексте при повторном обращении к нему не было изменено ни слова.¹⁰

Другой статье — «Монгольский парадокс» — повезло меньше. Она была написана 12 августа 1904 года, а на следующий день передана в «Новости...», однако на страницах газеты так и не появилась. В 1916 году Сологуб вернулся к тексту, внес небольшую правку и 22 июня послал его в «Биржевые ведомости», но заметка также не была опубликована.¹¹

В этой статье Сологуб описывает разговор о русско-японской войне, точнее, передает мнение одного из его участников — «офицера из татар» князя В., излагающего свою теорию: Россия могла стать могущественной империей, если бы не свергла власть монголо-татар, а поддержала ее, так как та обладала обширными связями в Азии, при этом не трогала «ни веры, ни обычаев, ни правительства». Свержение ига — это ошибка, и оно ничего не дало стране. Россия могла сохранить целостность и стать настолько сильной, что, «может быть, прельщающая вас Византия была бы теперь не столицей турецкой империи, а городом Российско-Татарского государства» и «западная Европа трепетала бы пред силою и доблестью татарско-русских полчищ».

Завершался текст фразой «Так говорил князь татарской крови, — и никто с ним не был согласен». Указание на это несогласие повторяется в тексте дважды. Первый раз в ремарке, предваряющей речь князя, Сологуб оговаривается: «Он долго молчал, и наконец, высказал следующие мысли, с которыми никто не согласился, — а потому и я приведу только его речь, не приводя возражений (ведь, может быть, и никто этих мыслей не разделит, а возражения всякий найдет в изобилии)». Эти оговорки снимают

⁵ Сологуб Ф. Сдавшиеся (Историческая фантазия), 1905 // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 456.

⁶ Сологуб Ф. Два пути // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 1 окт. № 15121. С. 4 (совм. с Ан. Н. Чеботаревской).

⁷ Подобное — возвращение как к неопубликованным, так и к опубликованным текстам и их переработка — свойственно и поэтическому творчеству Сологуба. В 1914 году эта стратегия была использована писателем при составлении сборника «Война» (см. об этом: Мисникевич Т. В. Книга стихов Федора Сологуба «Война»: история текста // Русская литература. 2014. № 2. С. 42–63). Наиболее показательный для нас пример — стихотворение «Перед подвигом великим...» (Новости и Биржевая газета. 1904. 29 февр. (13 марта). С. 2), которое для сборника было сокращено (в частности, убрано упоминание «порт-артурских башен») и вошло в него под названием «Единение племен» (см.: Мисникевич Т. В. Книга стихов Федора Сологуба «Война»... С. 58–59).

⁸ Статья была отправлена вместе с кратким письмом В. Я. Брюсову. Но тот отвечал, что она не может быть напечатана, так как «„Весы“ обязаны по программе печатать только статьи о книгах и „по литературе и искусствам“» (Соболев А. Л. Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову // Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар. М., 2013. С. 337 (Летейская библиотека; т. 2)).

⁹ Сологуб Ф. Бесенята войны // День. 1915. 22 марта. № 79 (877). С. 2. Перепечат.: Верташов Д. В. Газетная публицистика Федора Сологуба (1904–1905) // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. 2011. № 7 (69). С. 166–168.

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 227. Сведения об отправке указаны Сологубом в картотеке художественной прозы и статей (Там же. № 546).

¹¹ Там же. № 356.

с писателя ответственность за радикальные высказывания, не дают однозначно представить, как относился сам Сологуб к изложенной идее.

Схожие мысли, хотя и не такие радикальные, были высказаны Сологубом в близкой по времени созданию к интересующему нас тексту статье «Жалость и любовь» (датируется 8 августа 1904 года; опубликована 21 августа), их суммирует исследователь публицистики этого периода, комментируя статью: «...для Сологуба принципиально важно не столкновение, а совмещение западного и восточного миров, которое в потенциале может привести к формированию нового мировоззрения на русской почве: „...взаимопроникновение этих двух начал скорее дает возможность предсказывать их будущий синтез, создание нового, более совершенного миропостижения, новой морали, новой метафизики. И этот синтез особенно ярко предчувствуется на русской почве“».¹²

Идея о «синтезе» и «слиянии» «двух противоположных мировоззрений»¹³ — Востока и Запада — повторяется и в других статьях Сологуба этого периода: «Харакири», «Коварные пленники», «Поведение» и др. Но в это же время писателем высказывались и иные идеи — разрушающего влияния заимствований: «Обращаясь к нашей истории, мы без большого труда найдем в ней источники этих мнимо русских начал. И эти источники — не в своем, а наносном. Это — те позаимствования наихудшего, которые были сделаны нашими предками, отчасти по незнанию, вместе с позаимствованием наилучшего <...>. И заимствования эти — византизм и татарщина. <...> роковыми для народа были последствия татарщины, с которыми мы и теперь не совсем разделались. Громадная орда, навалившаяся на неокрепшую еще Россию, повела к уничтожению того, удельно-вечного строя, который обещал создание у нас, как это было и на Западе, множества центров культурной и государственной деятельности. Собранный скупыми и хитрыми московскими князьями, собранная умно, не без широкого государственного одушевления, русская земля скоро вкусила все плоды преждевременной централизации, т. е. такого государственного строя, который хорош только при высоком развитии народа в культурном и политическом смысле. <...> Возникло государство огромное, сильное, жизнеспособное, но насквозь пропитанное духом татарщины: грубость семейной жизни, жестокость в общественных отношениях, произвол власти, угодничество и низкопоклонство управляемых».¹⁴

Статья «Монгольский парадокс» оказалась актуальна для Сологуба и в 1916 году, несмотря на то что изменилась не только общественная обстановка, но и внешний враг. Заметки, написанные в это время, создавались «в русле всеобщего диалога об историческом пути России, ее самоопределении между Востоком и Западом».¹⁵ Хотя именно в 1916-м, по оценке М. М. Павловой, писатель отходил от появившейся в его статьях с началом войны идеологии панславизма и возвращался к западничеству, которое было свойственно Сологубу: «...по своей культурной ориентации Сологуб всегда тяготел к западничеству, его славянофильство 1914–1915 гг. было прежде всего реакцией на начавшуюся войну и изменившийся в Европе политический климат».¹⁶

В этот момент в тексте был сделан ряд правок. Во-первых, в начальных абзацах произведены замены, по которым определяется время: «И, конечно, не без употребления остались все ходячие полуистины: [японский школьный учитель] {германская культура}, русская неподготовленность, [желтая опасность] прочее, что полагается»; «...никто не смел бы теперь говорить о [желтой опасности] {германском засилии}».¹⁷

¹² Верташов Д. В. Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба. С. 64–65.

¹³ См.: «Теперешняя война поучительна, помимо прочего, еще и потому, что мы наблюдаем в ней не только встречу и борьбу двух рас, двух противоположных мировоззрений, „их поединок роковой“, но и намечаемый мало-помалу их синтез, их слияние» (Сологуб Ф. Харакири // Новости и Биржевая газета. 1904. 3 (16) окт. № 273. С. 2).

¹⁴ Сологуб Ф. Истинно-русские люди // Новости и Биржевая газета. 1905. № 10. 17 (30) янв. С. 2.

¹⁵ Павлова М. М. Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба. С. 19.

¹⁶ Там же. С. 17.

¹⁷ В квадратные скобки заключены вычеркнутые Сологубом фрагменты текста, в фигурные — вставленные.

Во-вторых, дополнилось заключение: «Так говорил князь [N] татарской крови, — и никто с ним не был согласен. {Напрасно. Сожалеть о прошлых ошибках бесполезно, но извлекать из прошлого уроки вперед не мешает. Если судьба пошлет нам союз (скажем, хотя бы с Англией), не будем много заботиться о том, кому сейчас этот союз выгоднее и кто станет на первое место»}.

Правка, на первый взгляд, весьма скромная. Если замены в начале статьи понятны и логически выводятся из контекста, то толкование двух фраз, добавленных в финал, требует специального исторического комментария. Вопрос о союзничестве широко обсуждался с начала Первой мировой войны, и в «программных» статьях конца 1914 года — «Мира не будет» и «Выбор ориентации» — Сологубом высказывалась мысль, что России необходимо вернуться к Востоку. Англия была наиболее подходящим союзником, потому что также, по мнению Сологуба, более всего тяготела к Востоку. О союзе двух стран Сологуб высказался и в 1915 году, подготовив по просьбе А. А. Измайлова статью «Мировая громада», где «отметил точки сближения в национальном характере русских и британцев» и, в частности, писал: «...единственные мировые державы — только две, Россия и Англия. Знаменательно то, что эти два государства строят основы своего могущества на землях и племенах религиозного Востока, а не материалистического Запада. Им двум предстоит великая задача объединить в одну мировую громаду миролюбивые и воистину культурные народы Индии, Китая, Японии».¹⁸

Но если сложные отношения России с Англией как союзником были с самого начала войны,¹⁹ то почему Сологуб вернулся к заметке в июне 1916-го? Весной в Государственной Думе активизировались обсуждения о договорах с союзниками.²⁰ Тогда же была предпринята поездка русской парламентской делегации в Англию, Францию и Италию.²¹ 18 и 19 июня состоялись заседания Государственной думы и Государственного Совета с докладами делегатов, о чем сообщалось во всех центральных газетах 20 и 21 июня, т. е. накануне отправки «Монгольского парадокса» в «Биржевые ведомости».²²

Итак, текст соответствует воззрениям Сологуба в 1904-м и в 1914–1916 годах, и при этом он оказался согласован с другими статьями периода Первой мировой войны как идеями, так и своим построением (ср. опубликованный весной 1916 года по впечатлениям от лекционного турне по России и созвучный названию статьи цикл «Парадоксы с пути», где представлены наблюдения и фрагменты разговоров во время путешествия²³).

Смысл заметки изменился благодаря тому, что на передний план вышел вопрос о союзе с другой страной против общего врага. Тема могущества империи объединяет оба варианта, но в них раскрываются разные ее аспекты: в первом — сама идея панъевразийского государства, сближающая построения Сологуба с разными вариациями

¹⁸ Там же. С. 22. Статья републ.: Там же. С. 44–45, 130 (комм.); впервые: Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 28 янв. № 14638. С. 3.

¹⁹ См. об этом, например: *Грушина В. Ю.* Позиции Великобритании и России по вопросу военных целей в период Первой мировой войны, август 1914 г. — декабрь 1916 г. Дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2002.

²⁰ См. об этих событиях: История внешней политики России: В 5 т. М., 2018. Т. 5. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). С. 507–510.

²¹ См.: Там же. С. 515–519.

²² См., к примеру, в изданиях, где Сологуб активно публиковался: *Днепров А.* В гостях у союзников (Заседание Государственного Совета 19 июня) // Петроградский голос. 1916. 20 июня (3 июля). № 167. С. 2; В Государственной Думе (Заседание 20-го июня) // Там же. 21 июня (4 июля). № 168. С. 2–3 (б. п.); Государственный Совет (Заседание 19 июня) // День. 1916. 20 июня. № 167. С. 2–3 (б. п.); Доклад парламентской делегации // Там же. 21 июня. № 168. С. 2–3 (б. п.), и др.

²³ Ср.: «Езжу по России, читаю о ней лекцию, встречаюсь с людьми разных толков и разных вкусов. Нередко приходится разговаривать на темы общелитературные, — не все же о войне, о дороговизне, о министрах» (*Сологуб Ф.* Парадоксы с пути. V. Встречи и недоумения // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 4 (17) апр. № 15482. С. 3).

русской политической утопии;²⁴ во втором — уважение к текущим союзникам и умение учиться на ошибках прошлого. Сохраняется и актуальность текста, и его парадоксальность, но теперь ее природа становится объяснима и приложима к конкретным событиям другого времени. При этом, если в первом случае тема была вызвана к жизни самим событием русско-японской войны, во втором содержание не прямо относится к внешним обстоятельствам; к ним подводит добавленный вывод, «мораль», что делает статью похожей на политическую притчу. В целом же «Монгольский парадокс» в двух его версиях свидетельствует о развитии историософских взглядов Сологуба и дает представление о публицистических приемах писателя.

Публикуемый ниже текст статьи Ф. Сологуба «Монгольский парадокс» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 356. Л. 5–9) приводится по верхнему слою правки (датируем ее 1916 годом). Вычеркнутые фрагменты помещены в примечаниях. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной нормой.

* * *

Сошлись и разговорились о войне. Заспорили, конечно. И конечно, не без употребления стались все ходячие полуистины: германская культура,¹ русская неподготовленность,² и прочее, что полагается. Случилось, что среди разговаривающих был офицер из татар, магометанин, человек хорошей семьи, превосходного воспитания, очень любезный и очень надменный, князь В.³ Он долго молчал и, наконец, высказал следующие мысли, с которыми никто не согласился, — а потому и я приведу только его речь, не приводя возражений (ведь, может быть, и никто этих мыслей не разделит, а возражения всякий найдет в изобилии).

Итак, князь В,⁴ осматривая собравшихся слегка насмешливыми, узкими глазами и сдержанно улыбаясь, говорил:

— В истории вашей, господа, — или вернее, в нашей, — сделана была ошибка, которая повлекла за собою неисчислимые последствия. Не будь этой ошибки, никто не смел бы теперь говорить о германском засилии,⁵ и наша великая и прекрасная родина давно уже была бы государством всемирным, или, по крайней мере, имела бы решительное преобладание во всех международных делах, — если бы еще остались дела международные. И ошибка эта была в том самом, что вы считаете одним из величайших деяний русской истории, что вы называете свержением монгольского ига и что с лояльной точки зрения представляется восстанием против власти Монголо-русского императора.

Семь столетий тому назад вам дана была Империя, и вы ее отбросили, — за что? За ее гнет или за ее слабость? Но гнет Империи был замечен только в первые годы после завоевания татарами русских княжеств. И в чем выражался этот гнет? В платеже дани, т. е. в уплате налогов по указу центрального правительства? Конечно, это не было самообложение, но с течением времени податные дела упорядочились бы, приняли бы тот же вид, какой они имеют и на всем земном шаре. Татары не трогали ни веры, ни обычаев, ни правительства русского: полная автономия была предоставлена русским областям, а себе Император оставил только верховную власть и, как ее выражение, некоторые особенности этикета: выдача ярлыка на великокняжие, ну и еще кое-какие мелочи. В общем, положение князей было не хуже, скорее даже лучше, чем положение союзных государей в современной Германии. Происходили, конечно, кое-где незаконные поборы баскаков и другие их злоупотребления; но ведь и русские чиновники, и в гораздо более позднее время, не всегда были безгрешны. Да и баскаки под конец не приезжали в Россию, а сбор дани перешел в руки московским князьям. Говорят, что эта операция была для них довольно выгодна. Впоследствии, по мере роста православного самосознания в обществе, все это устроилось бы еще лучше.

Да и не гнет монголов был причиной свержения власти монгольского императора, а его слабость. И вам следовало бы эту власть не рушить, а поддержать, ибо эта

²⁴ Верташов сравнивает положения этой статьи с «концептуальными построениями, разработанными „школой евразийства“» (Верташов Д. В. Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба. С. 150), оформившейся, как известно, позже.

была организация уже готовая, с обширными связями в Азии. Чистосердечно поддержанная русскими силами, власть татарских императоров легко распространилась бы на всю Азию, и, может быть, прельщающая вас Византия была бы теперь не столицей турецкой империи, а городом Российско-Татарского государства.

Что выиграли вы от свержения Монгольского ига? Все равно, к русской крови примешалось немало татарской; множество славных русских фамилий, Аксаковы, Урусовы, Юсуповы, да и мало ли кто еще, — из татар; приняты многие слова, обычаи татарские. В Европе говорят: «Поскоблите русского — откроете татарина». Смысл тот, что под кожей высшей расы — натура низшей, татарской. И европейское неумное презрение к татарской благородной крови разделяете и вы. Но по какому праву?

Государство, разделившееся на части, страшно ослабило себя. Завоевали Казань, Астрахань, двинулись в Сибирь, — и в то же время терпели неудачи в Ливонии. А при лояльном отношении к Казани, к Астрахани, к Крыму, к Сибири, как к союзным государствам одного политического целого, не нужны были бы все эти изнурительные походы и кровопролития, — и Западная Европа трепетала бы пред силою и доблестью татарско-русских полчищ.

Вы говорите, что в этом союзе роль русских была бы унижительною. Не понимаю, почему. В интересах ли татар было бы не дорожить русскими силами? Занять выгодное положение в союзе — это была бы достойная цель московской политики. Самые династии могли бы слиться: были же брачные союзы татарских принцесс с русскими князьями; царствовали же в Москве цари Борис I и Федор II из татарского рода Годуновых. И если бы к этому времени отделения от Орды еще не было бы, — разве не сумел бы хитрый Годунов завязать такие связи в Орде, которые возвели бы его на общий престол Российско-Монгольской Империи?

Так говорил князь⁶ татарской крови, — и никто с ним не был согласен.⁷ Напрасно. Сожалеть о прошлых ошибках бесполезно, но извлекать из прошлого уроки вперед не мешает. Если судьба пошлет нам союз (скажем, хотя бы с Англиею), не будем много заботиться о том, кому сейчас этот союз выгоднее и кто станет на первое место.

¹ Было: японский школьный учитель

² Далее было: желтая опасность

³ Было: N

⁴ Было: N

⁵ Было: желтой опасности

⁶ Далее было: N

⁷ Следующий за этим фрагмент до конца текста — вставка 1916 года.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-173-188

© *Е. А. Глуховская*

«БЮРО ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ» С. А. СОКОЛОВА КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ МОДЕРНИСТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ И ИХ ЧИТАТЕЛЯМИ*

19 ноября 1907 года Вяч. И. Иванов получил письмо от С. А. Соколова и Сергея Глаголя (С. С. Голоушева, 1855–1920) на фирменном бланке со штампом «Снабжение прогрессивной провинциальной печати литературным материалом». Начиналось оно так: «Некоторые из редакций провинциальных газет обратились к нам с просьбой помочь им в привлечении к их изданиям столичных литературных сил. Усматривая

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10012, <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, в ИРЛИ РАН.

Вера Владимировна Филичева

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Vera Vladimirovna Filicheva

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-2942-4846

Intfmd@rambler.ru

Ф. К. СОЛОГУБ. МОНГОЛЬСКИЙ ПАРАДОКС**F. K. SOLOGUB. THE MONGOLIAN PARADOX**

Публикуется очерк Ф. Сологуба «Монгольский парадокс», написанный в 1904 году. Во время русско-японской войны он не был напечатан, и Сологуб вернулся к нему уже в период Первой мировой войны, в 1916 году. В этот момент в текст были внесены изменения. Минимальная правка, при сохранении основного текста и парадоксальности высказываемых идей, сделала статью актуальной ситуации, откликом на конкретные исторические события.

Ключевые слова: Ф. Сологуб, публицистика, монголо-татарское иго, Первая мировая война, русско-японская война.

F. Sologub's essay *The Mongolian Paradox*, written in 1904, is presented to the academic community. Failing to publish it during the Russo-Japanese War, Sologub went back to it during the First World War, as late as 1916. The text went through some amendments at that time. Minimal editing, while preserving the main body and the paradoxical nature of the ideas expressed, added to the essay's actuality and turned it into a response to current historical events.

Key words: F. Sologub, journalism, Tatar-Mongol Yoke, First World War, the Russo-Japanese war.

Список литературы

1. *Верташов Д. В.* Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба: проблематика и историко-литературный контекст: на материале русских газет 1904–1905 гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
2. *Верташов Д. В.* Газетная публицистика Федора Сологуба (1904–1905) // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. 2011. № 7 (69).
3. *Грушина В. Ю.* Позиции Великобритании и России по вопросу военных целей в период Первой мировой войны, август 1914 г. — декабрь 1916 г. Дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2002.
4. История внешней политики России: В 5 т. М., 2018. Т. 5. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции).
5. *Мисникевич Т. В.* Книга стихов Федора Сологуба «Война»: история текста // Русская литература. 2014. № 2.
6. *Павлова М. М.* Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы. М., 2014.
7. *Соболев А. Л.* Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову // Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает. Сконпель истоар. М., 2013 (Летейская библиотека; т. 2).

References

1. *Grushina V. Iu.* Pozitsii Velikobritanii i Rossii po voprosu voennykh tselei v period Pervoi mirovoi voiny, avgust 1914 g. — dekabr' 1916 g. Dis. ... kand. istor. nauk. Tomsk, 2002.
2. Istoriia vneshnei politiki Rossii: V 5 t. M., 2018. T. 5. Konets XIX — nachalo XX veka (Ot russko-frantsuzskogo soiuza do Oktiabr'skoi revoliutsii).
3. *Misnikевич T. V.* Kniga stikhov Fedora Sologuba «Voina»: istoriia teksta // Russkaia literatura. 2014. № 2.
4. *Pavlova M. M.* Pervaia mirovaia voina v publitsistike Fedora Sologuba // Politika i poetika: russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny: publikatsii, issledovaniia i materialy. M., 2014.

5. Sobolev A. L. Pis'ma Fedora Sologuba V. Ia. Briusovu // Sobolev A. L. Strannoliubskii perebarshchivaet. Skonapel' istoar. M., 2013 (Leteiskaia biblioteka; t. 2).

6. Vertashov D. V. Gazetnaia kritika i publitsistika F. Sologuba: problematika i istoriko-literaturnyi kontekst: na materiale russkikh gazet 1904–1905 gg. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2013.

7. Vertashov D. V. Gazetnaia publitsistika Fedora Sologuba (1904–1905) // Vestnik RGGU. Ser. Filologicheskie nauki. Literaturovedenie i fol'kloristika. 2011. № 7 (69).

Елена Александровна Глуховская

доцент школы искусств и культурного наследия
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Elena Aleksandrovna Glukhovskaia

Associate Professor, School of Arts and Cultural Heritage,
European University at St. Petersburg

ORCID: 0000-0002-0602-9088

e.a.glukhovskaya@gmail.com

**«БЮРО ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ» С. А. СОКОЛОВА
КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ МОДЕРНИСТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ
И ИХ ЧИТАТЕЛЯМИ**

**S. A. SOKOLOV'S BUREAU OF PROVINCIAL PRESS AS A CONDUIT
BETWEEN MODERNIST WRITERS AND THEIR READERS**

Статья посвящена истории «Бюро провинциальной прессы», организованного в Москве в конце 1907 года. На материале газетных публикаций и архивных источников восстанавливается история создания Бюро, выявляются столичные литераторы и провинциальные газеты, сотрудничавшие с ним. Несмотря на то, что Бюро просуществовало меньше года, оно значительно способствовало популяризации модернистской литературы среди широкого круга читателей.

Ключевые слова: провинциальные газеты, С. А. Соколов, литературная полемика, история журналистики.

The article traces the history of the Bureau of Provincial Press, which was organized in Moscow in late 1907. Using the newspaper data and archival sources, the article reconstructs the history of the Bureau's creation and identifies both the writers from the metropolis and the provincial newspapers that collaborated with it. Even though the Bureau lasted for less than a year, it made a major contribution to the popularization of Modernist literature among a wide readership.

Key words: provincial newspapers, S. A. Sokolov, literary polemics, history of journalism.

Список литературы

1. Ахмадулин Е. В. Пресса политических партий России начала XX века: издания либералов. Ростов-на-Дону, 2001.
2. Белый А. Между двух революций / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990.
3. Богомолов Н. А. Разыскания в области русской литературы XX века: от fin de siècle до Вознесенского. М., 2021. Т. 1. Время символизма.
4. Брюсов А. Я. Литературные воспоминания // Север. 1965. № 4.
5. Лавров А. В. «Перевал» // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007.
6. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1.
7. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии 1905 — середина 1930-х гг.: В 6 т. / Сост. Д. Б. Павлов. М., 1997. Т. 2.
8. Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской / Предисловие, публ. и комм. О. А. Кузнецовой // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003.
9. Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1. Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / Сост. и подг. текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова; комм. И. П. Андреевой, Н. А. Богомолова.